

✓
Ба 1050

№ 1050

А. Саушкин

Н. А. Дикиноровский.

СЕЛЬСКО-ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

ВЪ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНѢ
ВИТЕБСКОЙ БѢЛУССИИ,

какимъ застаетъ его реформа 19 февраля 1861 г.

Проверено
1927 г.

Уч. № 1631

ВИТЕБСКЪ.

Губернская Типографія.

1893.

Бел. архив
1994 г.

Печатано съ разрѣшенія Начальства изъ №№ 67, 68,
71, 72, 73, 74, 75 и 76 Витебскихъ Губернскихъ Вѣ-
домостей.

Дружески и уважительно
Александру Степановичу Самухову
отъ составителя.
12 Октя. 1893г.
Витебскъ.

СЕЛЬСКО-ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

въ
восточной юго-западной окраинѣ Витебской бѣлорусси,

какимъ вступаетъ его реформа 19 февраля 1861 г.

(Воспоминанія бывшего ученика).

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ *)!

Въ данный часъ я нахожусь въ прекрасномъ трехъ-корпусномъ зданіи Войханской церковно-приходской школы, Городокскаго уѣзда, гдѣ выслушиваю повѣсть о зарожденіи, развитіи и текущемъ положеніи ея. Школа открыта 25 октября 1887 г., и передаваемое мнѣ устно еще не успѣло остынуть въ памяти общества, а тѣмъ болѣе—заинтересованныхъ сторонъ, благодаря печатнымъ свѣдѣніямъ, своевременно оглашеннымъ, а также и формальнымъ отчетамъ подлежащаго училищнаго совѣта; но я не беру на себя разсказа о внутренней жизни школы: это сдѣлано уполномоченными на то, компетентными лицами, періодически ревизовавшими школу, частыми посѣтителями ея и экзаменаторами. Послѣ всего этого мои передачи могутъ оказаться лишь повтореніемъ. Кромѣ того, по случаю вакаціоннаго времени, обычная жизнь школы не даетъ возможности видѣть ее, и мнѣ, какъ попутному наблюдателю, остается лишь засвидѣтельствовать чисто внѣшнюю благоустроенность школы во всѣхъ почти отношеніяхъ. Оставляя прекрасное

*) Настоящая статья была напечатана въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, въ 1893 г.

зданіе Войханской церковно-приходской школы, я душевно желаю, чтобы жизненный ростъ ея ширился на пользу мѣстнаго общества, на честь и славу приснопамятныхъ устроителей ея, а также и непосредственныхъ труженниковъ—преподавателей школы! На порогѣ оставляемой и сердечно напутствуемой школы да позволено мнѣ будетъ передать скромную повѣсть о давней предшественницѣ, такъ сказать, бабушкѣ современной школы, той симпатичной бабушкѣ, которая мирно почила, сослуживъ посильную службу тѣмъ изъ рѣдѣющихъ земножителей, коимъ уже почти не приходится разставаться со старческой спутницей—клюкою. Моя повѣсть не займетъ шири историческаго изслѣдованія, не обниметъ тысячи квадратныхъ верстѣ, не запестритъ сотнями именъ и лицъ; напротивъ, она коснется лишь юго-восточнаго уголка Витебской бѣлоруссии, еще не такъ давно наизахолустнѣйшаго въ губерніи, коснется послѣдняго десятилѣтія предъ реформой 19 февраля 1861 года и выльется изъ устъ и памяти непосредственнаго ученика сельской школы того времени, игрою судьбы побывавшаго не въ одной, а нѣсколькихъ тогдашнихъ школахъ, типы которыхъ могутъ быть приближены то къ церковно-приходскимъ, то къ народнымъ текущаго времени, то къ проэктированнымъ — походнымъ. Мою не менѣе скромную цѣль я почту достигнутою, когда современный труженникъ сельской школы почтитъ вниманіемъ повѣсть о томъ же дѣлѣ «дней оныхъ» и воспользуется помѣщенными здѣсь данными, не въ видѣ подражанія, разумѣется, а для свѣдѣнія лишь. Съ другой стороны, я ласкаю себя надеждою, что настоящія воспоминанія, сами по себѣ краткія, поставленныя въ сравнительно узкія рамы, быть можетъ, вызовутъ болѣе содержательныя и съ большею широтою; а это, несомнѣнно, скажется услугою историческому изслѣдованію вопроса о сельско-школьномъ обученіи до періода возрожденія народныхъ школъ. Какъ извѣстно, такого, желательнаго изслѣдованія о

мѣстномъ обученіи и вообще грамотности пока что нѣтъ, и его приходится ожидать. То обстоятельство, что освободительная реформа и возрожденіе сельскихъ народныхъ училищъ въ началѣ 60-хъ годовъ не за- стали мѣстную крестьянскую среду вполне безграмотною, остается неоспоримымъ фактомъ, какъ и то, что, за исключеніемъ ничтожныхъ изыятій, эта грамотность была вполне русскою, православною.*);

Благоволите, милостивый государь, дать мѣсто въ управляемомъ вами органѣ печати настоящимъ воспоминаніямъ, которыя при семь честь имѣю пре- проводить.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слуги,

Автора «воспоминаній».

I.

Исканіе грамотности.

Какъ это ни грустно, но и теперь еще приходится выслушивать увѣреніе въ косности, неразвитости и вообще умственной бѣдности простолюдина Витебской бѣлоруссіи, которая (умств. бѣдность) не позволяетъ ему выйти изъ постоянной матеріальной нужды, не возвышаетъ его надъ прадѣдовскою жизнью и проч. Основанное, несомнѣнно, на частныхъ проявленіяхъ, поверхностномъ знакомствѣ съ бытомъ и жизнью мѣстнаго простолюдина увѣреніе въ умственной бѣдности его приняло, однако, видъ чуть ли не аксіомы. Возражать ли, разувѣрять ли въ противномъ? Думается—и опытъ много разъ указалъ,—что это не вѣрно. Изъ множества неотразимыхъ положеній въ

*) Если бы возможно было собрать хотя приблизительныя данныя о числѣ грамотныхъ крестьянъ за последнее передъ реформой десятилѣтіе, то, смѣю утверждать, оно было бы ниже числа грамотныхъ въ первое десятилѣтіе послѣ нея

пользу «за» я беру тему настоящего очерка — дѣло грамотности, какимъ застаеть его великая реформа 19 февраля. При всей подавленности крѣпостного, при полной почти обезличенности его, остались неподавленными, не лишенными гражданства — погоня и исканіе грамотности. Сколько позволяетъ памятованіе, такое исканіе не унималось никакими физическими и нравственными ограниченіями, и въ грамотномъ чловѣкѣ простолюдинѣ не переставалъ чтить¹⁾ «письменнаго чловѣка, одукыванца, видущаго, Божжиго блыгисловенца»²⁾; затаенною же мечтою родителей было — видѣть и чтить это въ собственныхъ дѣтяхъ, по крайней мѣрѣ, сыновьяхъ. Если «дударь и музыка»³⁾ группировали около себя ищущихъ веселья, то мѣстный грамотей окружался не меньшею толпой «цекавыхъ»⁴⁾, жаждавшихъ послушать что-нибудь «отъ письма». Нужды нѣтъ, что благовѣститель «письменнаго» могъ иногда читать «по своей только книжкѣ», что читаемое прослушивалось много разъ и прежде, даже запоминалось навсегда таями вмѣстѣ съ манерностью и голосомъ чтеца: новое чтеніе не уменьшало слушателей, не ослабляло интереса и вниманія ихъ. «Яще, яще, татка, пычитай!» — слышитъ искреннія мольбы даже такой скромный чтець. Гораздо большимъ вниманіемъ пользовался тотъ, кто кое-какъ управлялся съ различными книгами цер-

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очерка, по необходимости, приходится приводить тавтологичныя слова п рѣченія Бѣлорусскаго говора. Для мѣстныхъ уроженцевъ-читателей они понятны, но могутъ не быть таковыми для стороннихъ: на послѣдній случай и въ цѣляхъ филологическихъ дѣлаю послынное объясненіе. Въ словахъ и рѣченіяхъ удерживаю фонетическое правописаніе говора указанной окранны.

2) Письменный — грамотный, чтець и писецъ, нераздѣльно. — Одукыванецъ — сущ. — собственно: выведенный въ „люди“ наукою; глаг. — одукываць — обучить и воспитать. Видущій — въ знач. прилаг. — тотъ, кому открытъ „свѣтъ науки“, грамотности. Однотипныя слова: зящій, шящій (шляющійся), дявущій (устарѣвшій холостякъ) и проч.

3) Дударь — играющій исключительно на дудѣ, музыка — на скрипкѣ. По случаю изыатія дуды изъ употребленія (нынѣ она рѣдко встрѣчается), первое понятіе перенесено на скрипача и даже гармониста. Въ житейскомъ употребленіи — дударь и дуда вмѣютъ укорененно бранный смыслъ.

4) Цекавы — прил. — любопытный, любознательный; глаг. цекаваць, сущ. — цекавство.

ковной и гражданской печати, да могъ повѣдать загаданную статью «Соломона Пріумудраго». Когда же грамотей читывалъ въ церкви часы и апостолъ, псалтирь надъ покойникомъ и солдатское письмо съ «чужедальной сторонушки», онъ не только пользовался повсемѣстнымъ вниманіемъ и почетомъ, но и царилъ надъ грамотеями. Но когда «письменный человѣкъ» могъ при этомъ дать письменную же «одповѣдку» ⁵⁾ и «прійзвѣсь цѣфирю», то о немъ повсюду говорилось такъ: «увѣсь навукъ прійзошевъ». Обыкновенно, такія лица встрѣчались и провожались съ почетомъ, мало уступавшимъ священническому, ихъ запрашивали почитать на «святыя вечера» ⁶⁾ чуть не всей деревней, запрашивали «давать одповѣдку въ чужедальнюю сторонуку» цѣлымъ собраніемъ родни, при чемъ каждый участникъ съ благоговѣніемъ присматривался къ выливающимся на бумагу знакамъ, съ дрожью голоса произносилъ для записи въ письмо собственное имя или съ замирающимъ сердцемъ прослушивалъ читаемое тамъ же свое имя. Становясь довольно часто учителями сельскихъ дѣтей, всѣ почти помянутые «письменники, Божжи блыгысловѣнцы» властвовали надъ умами родителей едва ли меньше, чѣмъ надъ порученными имъ дѣтьми. Справедливость требуетъ сказать, что эти отдаленныхъ временъ мастера учебнаго дѣла не эксплуатировали среды, не злоупотребляли своею «видучестью»; отдѣльные же лица выливали въ учебѣ свою душу, можетъ быть, иногда и грубо, по традиціямъ и недомыслию, но съ убѣжденностью и вѣрою въ правоту и святость работы. Кажется, эта именно сердечность и создала тѣхъ, нынѣ сѣдыхъ, и беззубыхъ стариковъ, которые и по-сейчасъ спѣ-

5) Одновѣдка — сущ. отъ польскаго слова письменный отвѣтъ.

6) Святыми вечерами называются не исключительно святочные рождественскіе, новогодніе, крещенскіе, пасхальные), но вечера въ годовые праздники, въ честь святыхъ и, въ особенности, въ поминальные дни. Въ воспоминаемое время ворчма не служила мѣстомъ сбыта свободнаго крестьянскаго времени, которое проводилось въ семьѣ, въ „жихарскомъ“ (хозяйственномъ) домѣ.

шатъ по первому звону къ церковному Богослуженію, пристраиваются къ клиросу, гдѣ за ними удерживается право церковныхъ чтецовъ и гдѣ нѣкоторые изъ нихъ поютъ тою же «визжалкой»⁷⁾, какою приучены были пѣть въ школьное время. Гордость стародавней учебы, краса нынѣшнихъ приходскихъ церквей и прихожанъ, старички эти благоговѣнно воспоминаютъ о своемъ школьномъ времени, любовно-почитательно говорятъ о своихъ учителяхъ, несмотря на то, что оно было временемъ суроваго обученія, временемъ суровыхъ и съ выдающимися крайностями учителей.

✓ Изъ приведеннаго видно, что погоня, исканіе грамотности составляли не останавливающуюся потребность мѣстнаго простолюдина; осязательные же плоды грамотности такъ или иначе, тамъ и здѣсь питали такую потребность, вызвали не праздный спросъ ея. Гдѣ же, кто и какъ отзывался на спросъ, т. е. какъ выросталъ «письменный, видущій, одукованецъ, Божій блыгисловенецъ» — составить дальнѣйшее развитіе темы.

II.

Источники и формы грамотности.

Первымъ, главнымъ и вполне вѣрнымъ источникомъ, гдѣ черпался тогдашній свѣтъ грамотности, бывало мѣстное православное духовенство, — священно- и церковно-служители безразлично, которое, несмотря на торжество Православія 1839 года, находилось въ загонѣ, какъ представительство «холопской вѣры». Это, отодвигаемое на незамѣтный пунктъ «малое стадо», по мѣрѣ силъ и умѣнья, «право правило слово истины»: оно отзывалось на народную потребность, оно вы-

7) Визжалка и вижжалка — сущ., собств. предметъ и инструментъ, дающій визглывые звуки, здѣсь — дяснаны.

рабатывало тѣ столпы преданности Православной вѣрѣ, тѣхъ привязанныхъ къ церкви, нынѣ стариковъ, о которыхъ я упоминалъ выше. Пишущему настоящія строки суждено было, хотя и кратковременно, побывать въ четырехъ такихъ питомникахъ грамотности: у священника Вымнянской церкви Ропчевскаго, бывшаго Суражскаго уѣзда, у священника Пухновской церкви Лузгина, Велижскаго уѣзда, у Веляшковичскаго дьячка Петра Семеновича и безмѣстнаго подростка Моисея Гавриловича, ютившагося при отцѣ въ Котовѣ, бывшаго Суражскаго уѣзда. Эти школки, какъ и подобныя имъ въ сосѣднихъ мѣстахъ, имѣли всего отъ 2 до 5 учениковъ, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, за исключеніемъ меня, мальчика 7—9 лѣтъ. На скромный составъ школы вліяли двѣ непобѣдимыя причины: тѣснота помѣщенія учителей и полузапретное положеніе школки, особенно въ селахъ вблизи польскаго панскаго дома. Священники Ропчевскій и Лузгинъ могли располагать для школки батрацкой избой, прихожей собственной квартиры и, поэтому, обѣ школки бывали и наиболѣе многолюдными. Двѣ же послѣднія ютились въ углу единственной причетнической избы, гдѣ совмѣстно находилась и семья того и другого учителя. Съ другой стороны, на школку обрушалось панское преслѣдованіе: въ числѣ обязанностей бывшихъ «дозорцевъ»⁸⁾, между прочимъ, было развѣдыванье — не учатъ ли гдѣ крестьянскихъ дѣтей, кто и чему учить? При такомъ условіи скромная школка становилась въ положеніе прячущагося: приходящіе ученики тайкомъ пробирались въ нее и уходили, а во время ученья каждый ученикъ готовъ былъ скрыться въ заранѣе указанномъ мѣстѣ, на случай нежеланнаго посѣтителя, или разы-

8) Панскій шпионъ развѣдчикъ. Служебная дѣятельность этого крѣпостничскаго «чина» была едва ли не хуже остальныхъ — вѣрта, тіува, лавнива и пр. Вездѣ и всегда ему разрѣшались подслушивать, потайное подсматриванье и открытый осмотръ даже крестьянской упряжи. Всегда безмолвный, дозорецъ давалъ знать о себѣ лишь тогда, когда за провинившимся слѣдовалъ «посылъ съ паньскаго двору».

грать роль наемщика-пастуха. Одна изъ такихъ прятковъ особенно памятна мнѣ въ школкѣ Ропчевскаго по случаю внезапнаго пріѣзда къ нему главнаго управляющаго мѣстнаго пана: мои крестьянскіе коллеги, точно мыши, мгновенно же разбѣжались въ разныя закуты—въ подпечье, подъ «поль»⁹⁾, меньшей же просту—въ ступу, куда каждый изъ нихъ прихватилъ и вещественныя доказательства учебы—книжки, грифельныя доски и проч., такъ что наличными учениками школки остались я съ товарищемъ, какъ не состоявшие ни въ какой зависимости отъ пана. (Вымно 1851 г.). На подобный же случай соблюдалась предосторожность и въ школѣ Петра Семеновича (Веляшковичи 1853—1854 г.): окно къ дорогѣ завѣшивалось холстиной, а калитка держалась на запорѣ; мѣста же прятковъ заблаговременно распредѣлялись. Сколько помнится, «дозорцы» не всегда доносили на школку и устроителей ея, и, ради общаго, иногда личнаго почтенія къ дѣлу грамотности, клали на душу служебный грѣхъ. Вотъ какіе, едва вѣроятные нынѣ, пути приводили къ учебному мѣсту тогдашнихъ избранниковъ учебнаго дѣла! Рѣшительно приходится преклоняться передъ волей, рискомъ учениковъ и ихъ родителей, съ одной стороны, и передъ рискомъ и энергіей учредителей школокъ—съ другой. Изъ памятныхъ сообщеній о другихъ подобныхъ школкахъ приходится отмѣтить, что, благодаря тактичности священниковъ изъ воссоединившихся униатовъ и преимущественной довѣрчивости къ нимъ пановъ, послѣднія не только существовали гласно, но и пользовались панскимъ покровительствомъ, какъ питомники будущихъ вѣрныхъ рабовъ панщины. Какъ извѣстно изъ тѣхъ же сообщеній, надежды покровителей не оправдались впоследствии: питомцы таковыхъ школокъ бойко читали и стройно пѣли въ

9) Нижнія досчатыя нары вдоль стѣны отъ печи, замѣняющія кровать, верхнія нары есть извѣстныя „полати“.

церкви, куда приучились спѣшить по первому церковному звону.

Существенное дѣло давнихъ школь — методы, приемы и вообще строй обученія, — осмѣянное и чуть не оплеванное на разные лады, давно-давнымъ «сдано въ архивъ». Я не позволю себѣ, однако, глумленія надъ «буки-азъ-ба», въ томъ почтительномъ памятованіи, что, вырешенное на мѣдные гроши, такъ сказать, хозяйственнымъ порядкомъ, оно подарило жизнь современному звуковому методу. Если я приподниму покровъ покойника, чтобы освѣтить трудовыя усилія воспоминаемаго учебнаго времени, гдѣ учитель не даромъ ѣлъ свой хлѣбъ, а ученикъ жевалъ «горькій корень ученія», въ святой увѣренности, что когда нибудь добьется «сладкаго плода», то сдѣлаю это единственно для того, чтобы возстановить покойную учебу, кстати совершенно одинаковую въ пройденныхъ мною школахъ, какъ дружную, нераздѣльную работу учителя и ученика.

Помнится, что каждый, приведенный въ учебу, мальчикъ высматривалъ не понуро, а скорѣе смѣло: вѣроятно, домашняя подготовленность къ предстоящему труду, родительскія наставленія и простота школы, какъ и учителя, погашали деревенскую робость. Новичекъ подводился родителями къ учителю, цѣловалъ послѣднему часто мозолистую руку; иной же тутъ дѣлалъ ему земной поклонъ. Смотри по обстоятельствамъ, учитель отвѣчалъ иногда глаженьемъ по головѣ прибывшаго и уже во всякомъ случаѣ опрашивалъ его нѣсколькими вопросами, въ родѣ: зачѣмъ пришелъ? хочетъ ли учиться? боится ли розогъ? По большей части, новичекъ, сравнительно беззащитно, часто наивно, отвѣчалъ на вопросы; иной же, въ свою очередь, дѣлалъ безбоязненные вопросы учителю. Послѣ краткаго ознакомленія съ будущимъ ученикомъ, по скоромъ уходѣ родителей, учитель объявлялъ товарищамъ о новичкѣ, подводилъ къ мѣсту за столомъ и, положивъ передъ нимъ книжку, заставлялъ перекреститься, поцѣловать ее, усаживая

въ то же время новичка. Повсемѣстный обычай требоваль, чтобы книжка въ этомъ случаѣ клалась на «подстилку», которою бывали: то увѣсистый кусокъ холста, то «ручникъ», то скатерть, кои въ тотъ же день и поступали въ собственность учителя, но по окончаніи дневныхъ занятій, по уборкѣ учебнаго стола. До того же времени новичекъ сидѣлъ на мѣстѣ передъ сложенною книгою, блюлъ и подмѣчалъ установленные порядки, слѣдилъ за ходомъ учебнаго дѣла и только изрѣдка призывался учителемъ къ исполненію послушническихъ обязанностей, въ родѣ: принести воды испить, загнать въ подпечье куръ или унять и удалить неумѣстно развозившагося котенка, при чемъ отъ быстроты и точности исполненія порученій зависѣла репутація новичка въ учительскомъ мнѣніи. Лѣнтяю, нерадивому ученику ставились на видъ проявленныя новичкомъ послушническія расторопность и исполнительность. Тутъ же новопоступившій могъ опытно видѣть и ту кару, которой подвергаются школьные нерадивцы... Когда внѣшняя подготовленность новичка нѣсколько оформилась въ тотъ же день и не предстоитъ надобности продлить ея на другой, то съ утра слѣдующаго дня онъ начиналъ изученіе нѣсколькихъ буквъ по алфавиту, приблизительно азбучную строчку, именуя ихъ славянскими рѣченіями, хотя бы дѣло начиналось съ гражданской грамоты. Послѣднее, впрочемъ, бывало рѣдко: грамотность начиналась почти исключительно съ церковной печати, по крайней мѣрѣ, въ школахъ при-церковныхъ, при-монастырскихъ и у учителей православнаго вѣроисповѣданія.

Для облегченія путей къ запоминанію урочныхъ буквъ практиковались различныя средства, изъ коихъ позволю привести пріемъ моего перваго учителя (крестнаго отца), пріемъ повторявшійся съ незначительными измѣненіями и у нѣкоторыхъ послѣдующихъ моихъ учителей. Учитель давалъ въ руки указку — тонкую оструганную палочку — и, раскрывъ азбуку,

заставлялъ обводить начертаніе буквы нѣсколько разъ, при чемъ говорилъ: «это — азъ — раскарака, ножки связаны веревкой»; переходя къ слѣдующей буквѣ и продѣлавъ надъ нею должный обводъ указкою, учитель говорилъ: «это — буки — съ большимъ пузомъ, съ глагольной покрывкой... вѣди — двѣ пузатки, одна на другой, къ палкѣ припертой... глаголь — палка съ покрывкой, внутри голъ... добро — та же раскарака съ веревкой на пяткахъ»... и проч., съ подходящими прибаутками, слагавшимися иногда въ стройную рѣсму. Не подлежитъ сомнѣнію, что зоркій дѣтскій глазъ отчетливо замѣчалъ подробности начертанія обводимой буквы, а дѣвственная память ученика готова была передать учительскія прибаутки къ буквѣ. Такой ученикъ почитался способнымъ, много общающимся. Но изъ дословнаго повторенія учительской рѣчи подъ каждою урочною буквою, учитель немедленно же утилизировалъ лишь: «азъ, буки, вѣди, глаголь, добро», сперва въ нисходящемъ, а потомъ въ восходящемъ порядкѣ, въ разбивку, по книжкѣ и наизусть; послѣднюю, достигнутою цѣлью урока почиталось умѣнье отыскивать и правильно называть выученныя буквы въ любомъ текстѣ. Глазъ и память юнѣйшихъ учениковъ почему-то скорѣе управлялись съ урочными требованіями; вслѣдствіе этого, и въ примѣръ остальнымъ, такой ученикъ гулялъ до окончанія дневныхъ занятій товарищей. Съ возрастными новичками дѣло шло иногда значительно туже: тѣ же урочныя буквы выучивались только въ два, даже въ три дня...

Такимъ неуклоннымъ порядкомъ шло изученіе буквъ отъ альфы до омеги, сперва прописныхъ, а затѣмъ и строчныхъ; потомъ слѣдовало повтореніе алфавита, чтеніе его въ нисходящемъ и восходящемъ порядкѣ, чтеніе съ указанной буквы, нахожденіе заданной въ текстѣ, правильное названіе ея, воспроизведеніе по памяти буквенныхъ формъ. Разъ все это достигнуто — ученикъ «положилъ прочный фундаментъ» подъ личную учебу: остальное пойдетъ легче, какъ естест-

венное продолженіе надфундаментной стройки,—по крайней мѣрѣ, такъ увѣряли тогда наши учителя. Ни тогда, ни послѣ я не находилъ, однако, оправданія успокоительныхъ увѣреній, и послѣдующія затѣмъ «буки-азь-ба, вѣди-рцы-азь-вра» стоили ученикамъ гораздо дороже алфавита.

Начиная «склады», т. е. «ба, ва, гре, дру» и проч., ученикъ приготовлялся къ такъ назыв. «слебезовкѣ», или «троху слебезовавъ»¹⁰⁾. Въ этомъ случаѣ ученикъ подготовлялъ голосовую манерность къ настоящей «слебезовкѣ», но поступалъ въ разрядъ «слебезниковъ» лишь по окончаніи азбучныхъ «складовъ» при переходѣ на «склады» азбучнаго текста — что составляло третью ступень азбучнаго ученія. Когда «слебезникъ отслебезовывалъ», т. е. прочитывалъ азбуку по складамъ до послѣдняго слова, тогда онъ доходилъ до четвертой и послѣдней ступени — чтенія «по верхамъ» всего «слебезовочнаго». Такимъ образомъ изучалась азбука отъ доски до доски,—что, при средней понятливости ученика, растягивалось чуть не на весь учебный годъ, понимая послѣдній въ одинаковой протяжимости съ теперешнимъ учебнымъ годомъ сельскихъ школъ. Чтеніе «складовъ по верхамъ» и, въ особенности, «слебезовка» настолько типичны, что я нахожу умѣстнымъ посильно воспроизвести послѣднюю музыкальнымъ путемъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ, въ жизненномъ проявленіи, она имѣла традиціонную, вездѣ однообразную пѣвучесть. Для примѣра беру азбучное слово «плодоносно», которое «слебезовалось» такъ:

По-кой-лю-ди-онъ *пло*, до-бро-онъ-до,

10) «Слебезовка» — сущ. — чтеніе, отыивающееся плачемъ, слезливостью дрожью голоса.

пло-до, нашъ-онъ-но, пло-до - но, сло-во-

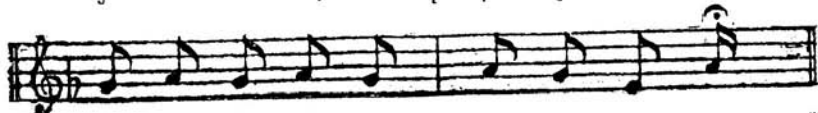

нашъ-онъ - сно, пло - до - но - сно.

Что же касается дикціи при чтеніи «складовъ и и верховъ», то обѣ ступени близко подходили къ «слебезовкѣ» и выражались такъ:

Бу-ки-азъ-ба; до-бро-рцы-укъ дру, и т. д.

Бо - га - лю - би, Ца - ря - по - чи - тай.

И тонъ чтенія, и буквы съ ихъ начертаніемъ напоминали что-то знакомое, хотя дѣтскія силы и отказывались признать мѣсто и время родства и знакомства. Въ школѣ Моисея Гавриловича (Котово 1850 г.) мнѣ впервые пришлось додуматься до этого, когда мать учителя, убаюкивая колыбельную сестру его, припѣвала о похожденияхъ и дарахъ «котка» ¹¹⁾. Какъ извѣстно, по Витебской бѣлоруссіи колыбельная пѣсня поется не иначе:

По-шевъ - ко-токъ - на-вул - ку, - при-

11) Въ колыбельныхъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ котъ является однимъ изъ первыхъ друзей дитя, которому онъ служитъ всецѣло и безворотно.

несь Со-ни - ка - шуль - ку (рубашечку).

Что это—случайное ли совпадение мотивовъ или намѣренный подборъ ихъ тогдашними учителями? Твердо помню одно, что всѣ они подготавливали ученика къ приведенной пѣвучести, а при отвѣтѣ ставили на видъ недостатокъ послѣдней. Если для послѣднихъ трехъ ступеней группировались дѣти крайнихъ возрастовъ, напр. семилѣтокъ и 15-лѣтнѣй, то голоса ихъ подгонялись въ октаву, унисономъ, отъ чего дѣло пѣвучести не уклонялось отъ приведеннаго образца и въ то же время приобрѣтало нѣкоторую гармоничность. Вслушиваясь въ «слебезовку», матери умильно плакали, а по-путные сторонніе не могли не остановиться передъ голосистымъ выраженіемъ «корня ученія». — Кстати вспомнить: развитіе голосистости, т. е. громкаго даже крикливаго произношенія, составляло одну изъ главныхъ сторонъ тогдашней учебы, и когда «людная школка» пускалась въ полный ходъ, то существованіе ея становилось осязательнѣе, чѣмъ въ свободное отъ занятій время.

День, въ который ученикъ заканчивалъ ту или другую азбучную ступень, бывалъ для послѣдняго торжественнымъ: ученикъ свободно разгуливалъ среди занимающихся товарищей и вообще былъ свободенъ до прекращенія уроковъ. Но, когда ученикъ заканчивалъ книгу, это составляло событіе въ школкѣ: на другой день не бывало ученья, всѣ ученики, не исключая учителя и случившихся стороннихъ, ѣли кашу непосредственно изъ горшка, обернутаго то платкомъ, то большимъ кускомъ холста, то полотенцемъ или скатертью. Каша и обертка горшка обыкновенно справлялись на счетъ виновника событія; на его же обязанности лежало убрать столъ, т. е. уставить горшокъ и разложить нужное число ложекъ.

Когда все было готово, учитель и ученики подходили къ столу: учитель шутиливо дралъ за уши виновника и поздравлялъ его; то же дѣлали и товарищи. Послѣ этого учитель снималъ съ горшка покрышку и все общество спѣшило ѣсть кашу. По опорожненіи горшка, слѣдовало новое поздравленіе виновника, послѣ котораго не остывшій пока горшокъ ставился на полъ: длинною палкой ¹²⁾ нужно было разбить горшокъ съ завязанными, какъ при жмуркахъ, глазами. Первымъ начиналъ виновникъ праздника, который отводился на нѣкоторое разстояніе отъ горшка и нѣсколько разъ перевертывался, чтобы забыть, гдѣ поставленъ горшокъ. Ему позволялось взмахнуть палкою три раза: разбивалъ онъ горшокъ — есть надежда на скорое прохожденіе новой книжки, нѣтъ — послѣдующее ученье пойдетъ туго, затѣмъ судьба горшка предоставлялась товарищамъ окончившаго книгу, и они продѣлывали ту же церемонію съ завязанными глазами. Въ случаѣ общей незадачи, учитель самъ выносилъ горшокъ и разбивалъ его швыркомъ на мусорной кучѣ или дровосѣкъ: тутъ общая игривость смѣнялась на нѣчто тоскливое, праздникъ не походилъ на праздникъ, и впечатлѣніе общей незадачи переходило на нѣсколько учебныхъ дней сряду. Совершенно иное бывало, когда виновникъ разбивалъ горшокъ отъ перваго взмаха: его радостно, чистосердечно поздравляли при не менѣе чистосердечномъ драньѣ за уши, даже качали на рукахъ, и эта общая восторженность переходила на послѣдующіе учебные дни. Въ дополненіе къ сказанному остается прибавить, что каша съѣдалась стоя и что горшечная обертка поступала въ собственность учителя.

Не новый и не исключительно мѣстный праздникъ съ кашей (сколько помнится, г. Щепкинъ говорить о немъ въ воспоминаніи 1793 г.) нѣсколько

разбивать кашу и обертку в 853-54 и т.д.

12) Чаще, однако, употреблялись орудія стряпни: кочерга, чепела и „киселевка“ — деревянная кочерга, для размѣшиванья киселя и др. кушаній въ печи, въ объемистыхъ горшкахъ, при „толочныхъ“ случаяхъ, когда кушанье заготавливается на большое число лицъ и возиться съ горшками трудно.

свереники, процесс "пригласить" они не знают

разъ и съ различнымъ исходомъ мнѣ приходилось видѣть въ Веляшковичской школкѣ Петра Семеновича (1853 — 54 г.). Мои разнообразныя школьныя товарищи, сверстники воспоминаемаго учебнаго времени, увѣряли, что и они помнятъ тѣ же школьныя праздники съ кашей. Гдѣ начало и основныя причины такого обычая—остается безотвѣтнымъ пока вопросомъ...

Слѣдующею за азбучкой учебною книжкой, по большей части, бывали: то часословъ, то псалтирь, то «Указаніе пути», то «Начатки христ. ученія», то случайно попавшая сюда хрестоматія, то, наконецъ, «Сельское чтеніе». При переходѣ къ новой книгѣ выполнялась первоначальная обрядность, а именно: ученикъ клалъ на столъ подходящую подстилку, а учитель—книгу на нее. Послѣ крестнаго знаменія и цѣлованія лицевой стороны книги, ученикъ на этотъ разъ самолично открывалъ заглавную страницу и тутъ же выучивалъ ее «по верхамъ». Слѣдовалъ незначительный отдыхъ, во время котораго учитель убиралъ подстилку и послѣ котораго ученикъ приступалъ къ настоящему уроку. Нужно ли упоминать о содержаніи и объемѣ его? Тутъ многое зависѣло отъ личной способности ученика, его охоты, отъ большей или меньшей продолжительности урочнаго срока. Урочный объемъ касался: красной строки, цѣлой страницы, листа, двухъ-трехъ; въ псалтирѣ, часословѣ, хрестоматіи онъ ограничивался принятымъ здѣсь дѣленіемъ на псалмы, главы, статьи. При продолжительномъ затверживаньи урока молодая память нѣкоторыхъ учениковъ справлялась съ нимъ настолько, что послѣдній передавался чуть не наизусть; но это не входило въ цѣли собственно чтенія—учители посильно осаждали ненужную спѣшность, заставляя прочитывать слова и фразы изъ середины, такъ сказать, выхватомъ. На предметъ заучиванья наизусть бывали отдѣльные уроки, на которыхъ заучивались то псалмы, то стихотворенія, то «Начатки христ. ученія», то краткія нравоученія, которыми, между прочимъ, усыпались тогдашнія элементарныя книжки.

Пониманіе прочитаннаго, умѣнье передать его другому, то своими, то долукижными словами, предоставлялись въ волю Божию: подростеть ученикъ, тогда и самъ пойметъ, — вѣроятно, рассуждали учителя, по крайней мѣрѣ, лично я помню одного только отца Андрея Австѣвича (примонастырская въ Тадулинѣ школка 1852 г.), который давалъ не послѣднее мѣсто объясненія; ими онъ предварялъ и сопровождалъ почти каждый урокъ. Возможная скорость чтенія, выразительность произносимаго текста, звучная голосистость съ оттѣнкомъ увѣренности — вотъ требованія воспоминаемаго чтенія!

Къ слову о школьномъ чтеніи остается присоединить, что повсемѣстный обычай развивалъ въ ученикахъ рѣшительно благоговѣйное отношеніе ко всякой книжкѣ, къ учебной же — по преимуществу. Прежде, чѣмъ раскрыть книгу, ученикъ цѣловалъ лицевую сторону ея; то же дѣлалъ онъ и на мѣстѣ урока, за который принимался. При окончаніи урока, ученикъ дѣлалъ слѣдующіе «отступы»¹³⁾: послѣ крестнаго знаменія, цѣлованія мѣста, гдѣ оканчивался урокъ, онъ трижды касался развернутою пока книгою своего лба и только тогда закрывалъ ее, снова цѣлуя лицевую сторону, или «боковичку». Если въ книжныхъ углахъ оказывались хотя бы и ничтожные загибы, ученикъ тутъ же расправлялъ ихъ и тогда только укладывалъ книжку въ уголь подъ образами или на ближайшую къ нему полочку, при чемъ, для предохраненія отъ загрязненія книги, она заворачивалась въ мѣшечекъ или тряпочку. Нѣкоторые ученики клали на ночь книжку подъ подушку опять же въ почтительномъ поцѣлуѣ вечеромъ и утромъ, въ увѣренности, что содержаніе скорѣе запомнится. Въ городскомъ, скажу, благоустроенномъ училищѣ мнѣ часто приходилось видѣть, какъ учебная книга совершала

13) Вышніе приемы, или лучше — церемониальная обрядность передъ урокомъ и послѣ него, назывались: пристунами и отступами.

полеты и швырки изъ конца въ конецъ учебной комнаты, какъ она служила орудіемъ обороны и нападенія, какъ, разбитая и истрепанная, топталась ногами. Ничего подобнаго не случалось за воспоминаемыми школами, хотя и тутъ не обходилось безъ школьныхъ шалостей, безъ жаркихъ иногда столкновений: книга, даже случайный печатный лоскутокъ, оставались почитательно неприкосновенными. Немудрено, что книга служила подолгу, что внукъ иногда учился по дѣдовской, еще цѣлой, азбучкѣ, которая вытиралась развѣ тыканьемъ «указки»¹⁴). Предупредительные бережливцы на сей возможный конецъ пропитывали книжные листки растительными маслами, — что, думаю, не безызвѣстно тѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ книжными дѣдушками и бабушками.

Нѣкоторые, хотя и немногіе, изъ моихъ товарищей заканчивали ученье на одной только славянской грамотѣ. Впослѣдствіи они становились чтецами то въ церкви, то надъ покойниками, то на «святыхъ вечерахъ»; по большей же части читали для услажденія собственной души или путемъ учительства передавали свой «навукъ» подростающему поколѣнію. Какъ и когда, трудно сказать, но къ красной порѣ жизни они выучивались писать церковнымъ шрифтомъ, достигая въ отдѣльныхъ случаяхъ каллиграфскаго письма. Такіе «писаки» каллиграфировали поминальницы, рѣдкостныя церковно-богослужебныя пѣсни, отдѣльныя службы, «Богородичные сны», сказанія о пятницахъ или исправляли погрѣшности переплетчиковъ, часто заклеивавшихъ окончанія строкъ печатной книги и даже цѣлыя строки ихъ. Думается, не одинъ памятникъ такихъ трудовъ живетъ пока у собирателей старины.

Значительное большинство моихъ товарищей проходило и гражданскую грамоту, начиная послѣднюю

14) Указка не разставалась съ книгой, въ которой прикрѣплялась иголкой или тонкимъ шуручкомъ. Служа, по большей части, вкладкою, она покоилась на урочномъ мѣстѣ книги.

при первыхъ же «слебезахъ». Шаги къ этому значительно облегчались сходствомъ буквъ съ церковными, а названіе ихъ и свойства сочетанія въ слоги уяснялись скоро—опять же благодаря букварнымъ свѣдѣніямъ по слогризученію. Изрѣдка допускалось, впрочемъ, изученіе гражданской грамоты при первомъ «верховомъ» чтеніи, — что, по большей части, относилось ко второму учебному году. Кто не успѣвалъ выучить, или даже познакомиться въ школѣ съ гражданской грамотой, тотъ постигалъ ее впослѣдствіи самоучкою, и трудно бывало указать на грамотнаго человѣка, не знавшаго гражданской грамоты. Не жаловали послѣднюю развѣ раскольники. Обученный той и другой грамотѣи на томъ вышедшій изъ учебы, писалъ только славянскимъ «характеромъ»¹⁵⁾, при чемъ буквы его письма иногда отдѣнялись гражданскимъ начертаніемъ.

Если возможно было обходиться одною лишь славянскою грамотою и нѣкоторымъ умѣньемъ владѣть славянскою письменностью, то не особенно трудно было тогдашнему грамотею пробить безъ умѣнья настоящаго письма. Множество такихъ грамотеевъ преспокойно доживали вѣкъ, нисколько не горюя о допущенномъ пробѣлѣ. Въ посѣщаемыхъ мною школахъ, а также и у отдѣльныхъ учителей, съ которыми мнѣ приходилось вѣдаться, письменное искусство преподавалось желающимъ. Общеобязательнымъ оно не могло быть потому, что бумага, чернила, карандаши, перья и, въ особенности, очинка ихъ, налагали новые расходы; а такъ какъ доступъ прописей бывалъ труденъ и учителю каждый разъ приходилось создавать ихъ собственными каллиграфическими усиліями, то расходъ на письменные матеріалы неминуемо возрасталъ вмѣстѣ съ ростомъ платы за отдѣльные учительскіе труды. Когда же побѣждалась преграда къ письменности, т. е. родители

15) Общее увѣреніе учителей было таково, что въ почеркѣ выражается характеръ пишущаго, почему и самый почеркъ чаще всего назывался „характеромъ“.

не останавливались передъ расходами, тогда послѣдняя дополняла учебу: ученикъ выучивался копировать буквы, слова, фразы и, наконецъ, списывать съ книги или съ рукописи. Послѣднее допускалось по приобрѣтеніи ученикомъ «характера», — подъ чѣмъ понимался сложившійся строй почерка, доступная бѣглость письма и каллиграфическая красота. Пока ученикъ доходилъ до предѣльнаго требованія, онъ долженъ былъ много-много потрудиться, пройти письменныя ступени, по примѣру ступеней при чтеніи.

Приступъ къ письму начинался не ранѣе перехода къ верховому чтенію, — что въ среднемъ падало на второй годъ ученія; въ отношеніи же отдѣльныхъ учениковъ онъ отлагался до того времени, когда тѣ бойко читали любую книгу церковной и гражданской печати. Замѣчательно, что безъ учительскаго указанія ученикъ приучался къ правильному держанію грифеля, карандаша, пера. Этому помогало годичное обращеніе съ «указкой» и, въ особенности, изображеніе въ псалтири пишущаго Давида, а въ евангеліи — евангелиста. Трудно согласиться, что это такъ было; но стоитъ припомнить наше благоговѣнное отношеніе къ книгѣ, чтобы понять и нашу безграничную вѣру въ ея содержаніе. — Остальное предоставлялось личному удобству пишущаго: положеніе туловища, ногъ, отношеніе къ свѣту — все, повторяю, зависѣло отъ личнаго приспособленія. При тѣснотѣ за столомъ, пишущій располагался на узкомъ подоконникѣ, на скамьѣ: сюда клалась доска, тетрадь, а поджатые ноги ютились на лавкѣ, скамьѣ, на полу. Бывали случаи, что ученикъ помѣщалъ доску на спину пишущаго товарища и писалъ на ней стоя или же укладывалъ ее на собственные согнутыя колѣни, сидя на полу, на лавкѣ, и припершись къ стѣнѣ спиною.

Прежде, чѣмъ перейти къ письму перомъ или карандашомъ на бумагѣ, ученикъ не мало времени возился съ грифельною доскою и грифельемъ: при помощи ихъ онъ подолгу писалъ «палки», потомъ —

«крючки», далѣе — «эсы», наконецъ — «ончики»¹⁶⁾. По достиженіи должнаго навыка, ученикъ опять же долго писалъ прописныя и строчныя буквы по алфавиту и только тогда переходилъ къ письму словъ, которыми на первый разъ были имя, отчество и фамилія пишущаго. До указаннаго предѣла вся письменная работа называлась «грезмолкой», хотя то же имя удерживалось и за послѣдующимъ недостаточнымъ письмомъ на доскѣ и на бумагѣ. Образцы «грезмоловъ» давалъ самъ учитель, или «старый ученикъ»¹⁷⁾ на доскѣ каждаго ученика въ отдѣльности, употребляя на это или всю первую строку, или часть ея. Пишущій «грезмолилъ» обѣ стороны доски, показывалъ работу учителю или «старому», по ихъ приказу, стиралъ собственную работу, снова воспроизводилъ ее и т. д. Случалось, что пишущій продѣлывалъ въ день одни и тѣ же «грезмолы» до десяти разъ, да столько же на другой и третій день.

Въ частномъ, неурочномъ занятіи ученику не вѣзбранялось заходить впередъ въ письмѣ, такъ же какъ и въ чтеніи; но положенное на урокъ все-таки проходило чередомъ, безъ перескоковъ. Поэтому нерѣдкость бывало встрѣтить «грезмолящаго эсы» ученика, который успѣшно могъ бы писать слова. Надо полагать, что это дѣлалось для увеличенія учительскаго авторитета, т. е., что ученикъ сдѣлалъ успѣхи подъ руководствомомъ и при помощи перваго, а не иными путями. То же почти повсемѣстно бывало и съ чтеніемъ: новая школа и новый учитель перекрещивали ученика на свой манеръ, начиная дѣло чуть не съ азавъ.

16) Все это — элементы буквъ, достаточно извѣстные каждому, учившемуся грамотѣ. Эсы — сущ. отъ буквы с — элементы многихъ буквъ; ончики — сущ. отъ буквы о — то же, какъ и сама буква.

17) Названіе стараго ученика принадлежало тому, который провелъ не менѣе трехъ учебныхъ лѣтъ въ школѣ. Изъ такихъ старыхъ учениковъ избирались школьные старшіе и учительскіе помощники, въ особенныхъ случаяхъ — замѣстители учителя.

Письменная грамотность немедленно же сказывалась на окружающих предметахъ. Прежде всего пестрились словами двери, стѣны и заборы учительскаго помѣщенія, а затѣмъ подобные же предметы дома, и первымъ писательскимъ матеріаломъ бывалъ уголекъ, а потомъ случайный кусочекъ мѣлу. Мягкіе, окрашивающіе въ красную и желтую краску, камушки, обильно находимые въ ручейковыхъ руслахъ, полевыхъ песчаникахъ, помогали писакамъ доканчивать пестроту. Этими надписями иногда свидѣтельствовалось, кому принадлежитъ дверь, стѣна, заборъ, или — кто писалъ. Одного только нельзя бывало встрѣтить — срамныхъ и бранныхъ надписей, которыми такъ часто украшаются теперь заборы и дома.

Подготовленный въ достаточной степени къ письму словъ, даже краткихъ рѣченій, продолжительными упражненіями на грифельной доскѣ, ученикъ переходилъ къ бумажной письменности. Но тутъ онъ долженъ былъ прежде всего научиться очинивать перья: о стальныхъ перьяхъ мы не имѣли и приблизительнаго понятія. Тѣмъ труднѣе было это дѣло, что настоящіе перочинники-ножички, называемые «цузоричками» или «слизорками», составляли рѣдкость, бывали у немногихъ; приходилось обрабатывать перо при помощи ножа, которымъ рѣжутъ хлѣбъ, или же обломкомъ косы, вправленнымъ въ черенокъ. Достигнувшій послѣдняго умѣнья становился на путь бумажной письменности, пользуясь указанными выше приемами и продѣлывая на бумагѣ все то, что онъ раньше продѣлывалъ на грифельной доскѣ. Въ школкѣ Петра Семеновича на сей случай было нѣчто въ родѣ прописей: прежнія тетради лучшихъ каллиграфовъ — учениковъ, листки съ прописнымъ и изрѣченіями самого учителя; отсюда ученикъ копировалъ буквы, слова, рѣченія. Въ при-монастырской же школкѣ отца Алексѣя Авсѣева такіе листки покрыты были тонкимъ слоемъ воска, чрезъ который отчетливо просвѣчивались каллиграфическіе образцы. Тутъ приходи-

лось писать перомъ по восковой поверхности; перо же омакивалось въ мѣловой растворъ. При помощи мокрой тряпочки все написанное быстро стиралось, и оригинальная пропись-тетрадь готова была къ новому писанью на ней. Признаюсь, ни раньше, ни позже мнѣ не приходилось видѣть подобной прописи-тетради. Держаніе пера, сноровка приспособить его «къ бумажному дѣйству» достигались ученикомъ по навыку, и если онъ держалъ его бокомъ, перевертомъ, никто не останавливалъ заблуждающагося.

Къ послѣднему слову о воспоминаемой письменности приходится дополнить, что она начиналась и кончалась на одной лишь копировкѣ, хотя при этомъ отдѣльные ученики достигали наилучшей каллиграфической выправки и могли годиться въ переписчики. Тутъ же рядомъ вырабатывалась невозможная подражательность учительской каллиграфіи до мелочной крючковатости буквъ включительно. Такъ, мы, временные ученики походнаго учителя г. Сикорскаго, писавшаго, кстати, довольно красиво, съ типичнымъ начертаніемъ буквы я ¹⁸⁾ разстались чуть не черезъ десятокъ лѣтъ уже въ благоустроенномъ городскомъ училищѣ.

Если ученикъ вступалъ на путь письменности, то нераздѣльно съ письмомъ буквъ и словъ онъ писалъ цифры и числа,—что опять же составляло копировально-механическую работу. Во всѣхъ почти школахъ и подъ руководствомъ почти всѣхъ учителей дѣло это, между прочимъ, происходило такъ: когда ученикъ одолѣлъ начертаніе цифръ, передъ нимъ клалась многостраничная книга, изъ которой онъ выписывалъ на доску или тетрадь по-страничную нумеровку; а когда нужно было писать дальнѣйшія большія числа, то дѣло шло уже по навыку, по привычкѣ. Собственно ариѳметикѣ учились въ свободное

18) Буква я изображалась соединеніемъ прописной буквы Е и строчной і, безъ точки надъ послѣдней.

время, другъ у друга, учились какъ-то самобытно: задачи на всѣ дѣйствія ученики давали одинъ другому въ видѣ загадокъ и совмѣстно съ послѣдними. Къ этому иногда направляли и учителя, авторитетъ которыхъ часто разрѣшалъ спорный отвѣтъ. На этомъ заканчивалось ариѣметическое обученіе. Тѣ же, которые учились одному только чтенію, выучивались лишь читать цифры и числа славянскія и арабскія то въ азбукѣ, то въ по-страничной нумеровкѣ книги, съ чѣмъ и выходили изъ учебы.

Вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ мнѣ, однако, суждено было учиться настоящей ариѣметикѣ сперва въ при-монастырской, а потомъ и въ при-церковной школкѣ Петра Семеновича. Помнится, когда дошла очередь до ариѣметики, незабвенный отецъ Андрей Авсѣевичъ воодушевилъ насъ новымъ предметомъ и новою книгой, которую обѣщалъ изготовить личными усиліями, и на нашихъ глазахъ сшилъ и обрѣзалъ тетрадь съ восьмью долями писчаго листа.

Какъ ни занимательно было видѣть «сотвореніе книги», послѣднее произошло тайкомъ, во время ночного бодрствованія учителя, когда мы спали въ его монастырской кельѣ. Понятно, мы нѣсколько разочаровались, увидѣвъ не печатную, а рукописную ариѣметику, предложенную намъ дня черезъ три. Въ крайне сжатомъ, но вполне понятномъ и точномъ, изложеніи ариѣметика обнимала всѣ четыре дѣйствія, благодаря чему она и была пройдена, т. е. выучена наизусть, въ короткій сравнительно срокъ. Мнѣ не суждено было продлить обученія ариѣметикѣ подъ руководствомъ незабвеннаго учителя, а невѣроятно большія задачи надъ такими же числами на всѣ дѣйствія пришлось продѣлывать у другихъ учителей, въ другихъ мѣстахъ.

Если въ при-монастырскихъ и при-церковныхъ школокъ обходились иногда письменность и ариѣметика для отдѣльныхъ, разумѣется, учениковъ, то церковное пѣніе составляло нѣчто обыденное, такихъ школокъ, благодаря именно составу и личностямъ

учителей. Монахъ, эпитимійный священнослужитель въ монастырѣ, сельскій священникъ отдыхали душой за обученіемъ этому предмету; тогдашній же дьячокъ подготовлялъ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ, изъ-за которыхъ онъ могъ часто хотя «духъ перевести» на клиросѣ. Занятію пѣніемъ отдавалось свободное отъ занятій время, и нужно согласиться, что тутъ пѣлось многое, пѣлось съ умиленіемъ, пѣлось до непритворныхъ слезъ учителя и учениковъ. Впослѣдствіи подготовленные «пѣвуны» составляли гордость и красу приходскихъ клиросовъ, замѣняли отсутствующихъ дьячковъ и благочестно отпѣвали покойника, если для того не призывался причтъ.

Очень возможно, что приведенными воспоминаніями повторено въ значительной мѣрѣ то, что извѣстно изъ жизни и дѣятельности стародавнихъ школъ; вѣдь съ этого обыкновенно начинается большинство текущихъ педагого-методистовъ, когда хочетъ высказать что нибудь свое, новое,—пріемъ обычный: прежде всего потрепать старину, рутину, чтобы тѣмъ ярче оттѣнить проводимое. Пишущему настоящія строки чужды такія побужденія и, если пришлось снять немного архивной пыли съ давняго дѣла, то единственно для того, чтобы воскресить памятованіе о дружной работѣ тогдашняго учителя и ученика, о перенесенныхъ тогда усиліяхъ образовать «Божжаго блыгысловенца», — какъ уже о томъ заявлено выше.

III.

Мѣста грамотности.

На вопросъ: гдѣ выработывались «письменные люди, видушіи одукованцы, блыгысловенцы» — въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣчено предыдущими воспоминаніями, къ которымъ остается добавить перечисленіе извѣстныхъ мнѣ тогдашнихъ школокъ всѣхъ типовъ.

1. Первенствующее мѣсто принадлежитъ, несомнѣнно, школкамъ при-монастырскимъ, изъ коихъ въ Гадулинской, бывшаго Суражскаго уѣзда, я пробылъ съ незначительными перерывами около полутора года. Значительно позже я получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о Махировской школкѣ, Полоцкаго уѣзда, бывшей здѣсь до 1866 г. тоже при монастырѣ. Жизнедѣятельность этихъ школокъ настолько однообразна, что о нихъ можно говорить однородными воспоминаніями, тѣмъ болѣе, что и учителями въ нихъ, по распоряженію духовной власти, могли быть одни и тѣ же лица. Учителями при-монастырскихъ школокъ являлись монашествующіе, эпитимійные священно- и церковнослужители, престарѣлые міряне, очень часто живущіе на покоѣ въ монастыряхъ, и немногіе уніатскіе священники, не пожелавшіе воссоединенія съ Православіемъ въ 1839 году. Испросивъ благословенное позволеніе настоятеля, учитель открывалъ школку для одного, двухъ и болѣе учениковъ. Въ первомъ случаѣ она помѣщалась въ учительской кельѣ; при многолюдствѣ же школки—въ свободной кельѣ, которая украшалась обыкновеннымъ столомъ, скамьями, табуретами, а то—и пустыми ящиками, для размѣщенія учащихся. Если учениками бывали дѣти при-монастырскихъ крестьянъ, то они были и приходящими; дѣти же изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, верстъ за 5—10, составляли нѣчто въ родѣ пансіонеровъ, т. е. жили съ учителями и часто продовольствовались теплою монастырскою пищею, то въ столовой, по выходѣ оттуда братіи, то въ классной комнатѣ—кельѣ, куда пища приносилась учителями-же.

Главнѣйшими поводами къ учительству, а слѣдовательно и открытію школокъ (при мнѣ въ Гадулинѣ ихъ было три) служили: а) религіозно-христіанское желаніе служить темному люду своими знаніями, б) монастырская скука во внѣбогослужебные часы, в) настоятельское побужденіе, какъ мѣра монастырскаго послушанія, г) неугасающее желаніе сообщаться съ

міромъ,—что особенно замѣтно бывало у эпитимійныхъ, жившихъ въ монастырѣ мірянъ и уніатовъ— и д) матеріальные расчеты. Мнѣ думается, что за послѣднее никто не рѣшится упрекнуть отцовъ учителей, памятуя, что они не прочь были доставить себѣ нѣкоторыя невинныя удовольствія, вродѣ стакана чаю, иные же изъ нихъ принуждены бывали посылать свои скромные заработки на нужды своихъ сородичей. Чѣмъ бы ни руководились отцы учителя въ открытіи школокъ, дѣло ихъ ученья шло не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ другихъ сельскихъ мѣстахъ: покровъ монастыря, поощреніе настоятелей, личная любовь къ дѣлу учителей, образованность нѣкоторыхъ изъ нихъ, всецѣлое посвященіе дѣлу свободнаго отъ Богослуженій времени и та строгая тишина, которая отличаетъ монастырское житье-бытье—вотъ безцѣнныя условія, благодаря совокупности которыхъ изъ при-монастырской школки выходилъ болѣе грамотный человекъ воспоминаемаго времени. Присутствуя же сравнительно часто на монастырскомъ Богослуженіи, несомнѣнно, образцовомъ, питомецъ невольно изучалъ его и въ то же время привыкалъ къ церкви и церковности. Не единичное явленіе: мой предшественникъ-сотоварищъ по Тадулинской школкѣ, нѣкто Романъ, по окончаніи ученья, такъ и остался монастырскимъ чтецомъ, не желая возврата къ мірской жизни.

Двѣ Тадулинскія школки воспоминаемаго времени, какъ казалось, стояли въ нѣкоторой связи между собою, по крайней мѣрѣ, у отца Андрея не бывало элементарниковъ: съ ними вѣдался другою достойный труженикъ, отецъ Стржидинскій, отъ котораго ученики переходили потомъ въ нашу школку, какъ въ старшее отдѣленіе.

Доблестные труженики святого дѣла! Да благословенно будетъ доброе имя ваше за тотъ истинный, любовный свѣтъ науки, который вы когда-то пролили въ своемъ послѣднемъ земномъ убѣжищѣ!.. такія слова

невольно вырывались изъ устъ, когда, ровно четыре года тому, мнѣ удалось поклониться могиламъ Тадулинскихъ отцовъ учителей.

2. При-церковныя школки стояли ниже монастырскихъ уже потому, что устроителями ихъ и руководителями были сравнительно малообразованные діаконы и еще менѣе образованные дьячки да полуграмотные тогдашніе пономари, по преимуществу. Нѣсколько лучше было дѣло въ школахъ священниковъ, какъ то лично помнится изъ школокъ отцовъ — Ропчевскаго и Лузгина; но такъ-какъ, въ силу сложныхъ обязанностей, священники не могли всецѣло отдаться школьному дѣлу и въ сотрудничество часто призывали клировыхъ помощниковъ своихъ, то обученіе здѣсь не имѣло цѣлостности и пестрѣло недостатками, именно отъ недостаточной научной подготовки сотрудниковъ. Наиболее прозорливые священники — учителя охотнѣе принимали въ сотрудничество свободныхъ грамотеевъ или же трудились совмѣстно съ родными дочерьми, родственницами, которыя при данномъ только условіи и являлись учащими въ сельскихъ школахъ ¹⁹⁾. Какъ болѣе устойчивые сотрудники, поименованныя лица вѣрнѣе могли продолжать начатое образованнымъ принципаломъ или провести указанное имъ.

Раньше я упомянулъ, что при-церковныя школки въ рукахъ священниковъ создавались какъ противовѣсь католичеству и полонизму, заѣдавшимъ тогда все православно-русское; тамъ же я говорилъ, что эти школки воспитывали будущую гордость и красу приходоу. Школки въ рукахъ діаконовъ и низшаго клира, хотя и создавались съ корыстными побужденіями, ради покрытія нуждъ и матеріальнаго воспособленія, приводили, однако, къ той же цѣли: ученикъ

19) Знаменательное явленіе: вѣстный простолюдинъ еще и теперь исполнилъ вѣрить въ учительскія силы женщины. Что же касается воспоминаемаго прошлаго, то эту вѣру онъ находилъ чуть не сумасбродною: ни выучитъ, ни выучится „письменныца“ женщина не могла... Этимъ объясняется тогдашнее отсутствіе въ школахъ учительницъ и ученицъ.

вырабатывался въ преданнаго клиросаго чтеца и пѣвца, приверженнаго поспѣтителя церкви и церковныхъ службъ.

Къ сожалѣнію, по обязанности бытописателя, личнаго свидѣтеля учебы въ при-церковныхъ школкахъ, приходится отмѣтить нѣкоторыя непонятныя въ нынѣшнемъ школьномъ быту стороны. Такъ, бѣдность, корыстолюбіе, а то и предосудительныя слабости отдѣльныхъ учителей перемѣняли святое дѣло ученья въ нѣчто не сродное: ученики нянчили учительскихъ дѣтей, носили воду и дрова, рубили послѣднія, гоняли скотъ на водопой, словомъ — исполняли многія хозяйственныя работы въ предѣлахъ дѣтскаго умѣнья и силъ; въ случаѣ же учительскаго загула, ученики принуждены бывали раздѣлять участь семьи его — исчезать и укрываться, пока не пройдетъ гроза. Спѣшу оговориться: послѣднее имѣло мѣсто въ школкахъ діаконовъ да дьячковъ, исключительно.

Не взирая на приведенныя крайности, не взирая и на высокую, сравнительно, плату за учебу, при-церковныя школки не бывали пустыми, часто во весь годъ; не будь упомянутыхъ выше стѣсненій, онѣ переполнились бы ищущими грамотности. Въ помощь стѣсненію подоспѣвало тогдашнее неумѣнье совладать съ большимъ числомъ элементарниковъ, — что одинаково проглядывало въ при-монастырскихъ школкахъ и въ при-церковныхъ: учитель несъ сумму ученическихъ трудовъ, потому что работалъ нераздѣльно съ каждымъ ученикомъ порознь.

3. Чисто деревенскія школки, отвѣчающія современнымъ школамъ грамотности, создавались въ той и другой деревнѣ, хотя бы и захолустной, если только Господь заносилъ туда какого-нибудь «одукованца». Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ разыскивался, приглашался къ дѣлу учебы. Нельзя не отмѣтить, что такія школки бывали наиболѣе распространенными и что ученики этихъ школокъ становились потомъ учениками школокъ первыхъ двухъ категорій или отдавались

завѣдомо опытнымъ мастерамъ учебнаго дѣла. Въ многочисленномъ составѣ учителей чисто деревенскихъ школокъ бывали: прогулявшійся горожанинъ, устарѣвшій ремесленникъ, разночинецъ, разжалованный дворовый, отставной или увѣчный инвалидъ, бѣглый крѣпостной и т. под. Простой перечень служителей учебнаго дѣла достаточно говоритъ за разнообразное направленіе самой учебы, за приемы и методы; къ этому слѣдуетъ присоединить, что поименованные учителя приходили къ учительству, какъ къ послѣднему средству пропитанія, одни вслѣдствіе отвычки отъ чернаго труда, другіе не могли отдаться ему за старостью, увѣчьемъ, лѣнью, — третьи, разгульные, бывали неустойчивыми въ черной работѣ, которую они портили, останавливали.

Случалось, что поселившійся въ деревнѣ инвалидъ или бывший дворовый имѣлъ собственный уголокъ: тогда школка оказывалась нѣсколько устойчивою — въ ней бывали приходящіе ученики и пансіонеры изъ другихъ деревень, кои въ досужіе часы отправляли тѣ же второстепенныя и вовсе неучебныя обязанности, какъ и въ при-церковныхъ школкахъ. Въ остальныхъ случаяхъ, т. е. при другихъ школьныхъ заправилахъ, она становилась переносною: одну недѣлю школка ютилась въ одномъ, другую — въ другомъ домѣ, куда сходились деревенскіе ученики, за исключеніемъ хозяйскихъ дѣтей, и гдѣ учитель получалъ столово-квартирное продовольствіе.

Не умѣю отвѣтить — почему, но только школка инвалида, осѣдая ли она или переносная, имѣла больше притяженія къ себѣ, чѣмъ школки остальныхъ заправиль. Очень возможно, что инвалидъ выигрывалъ храбрымъ тономъ рѣчи, нескончаемыми повѣствованіями о чужедальнихъ странахъ, регулярностью, строгою выправкой, которая, по совокупности, поселяли въ родителяхъ увѣренность, что тутъ дѣти «не забалуютъ». Къ сожалѣнію, учителя изъ инвалидовъ «къ былямъ небылицъ безъ счету прилагали», — чего не понимала окружающая среда и что перепутывало

и безъ того перепутанный кругозоръ простолюдина, пока послѣдній не научался критически относиться къ инвалиднымъ сообщеніямъ.

Чисто деревенскія школки не совсѣмъ удовлетворяли насущной потребности простолюдина — видѣть въ дѣтяхъ церковную образованность, потому что многіе учителя не знали славянской грамоты, иные предпочитали ей гражданскую, съ которой и начинали, иные работали «абевегамы», при чемъ «голосность слезезовки» тутъ не могла имѣть мѣста, — на что обыкновенно родители сѣтовали скрыто и явно, даже отсылали такихъ учителей, для практическаго позанимствованія, къ извѣстнымъ мастерамъ учебнаго дѣла. Вообще же слѣдуетъ признать, что въ отношеніи упомянутыхъ учителей родители чувствовали себя хозяевами, не заискивали передъ ними, а нѣкоторые даже эксплуатировали учительское положеніе. Такъ, если учитель оставался къ зимѣ безъ теплой одежды и, такимъ образомъ, невольно приковывался къ мѣсту, то положеніе его становилось въ значительной мѣрѣ закабаленнымъ; но если у него бывала еще «губа — дрянъ», т. е. онъ запивалъ, то положеніе становилось ниже батрацкаго, крѣпостнаго. Запѣть грѣшныи челоуѣкъ, пропустить не только карманную мелочь, но и самые карманы съ пришитою къ нимъ одеждою: вотъ тутъ-то, за окутанье тѣла хотя бы и тряпьемъ — старьемъ, учитель отдаетъ себя въ полное почти распоряженіе нанимателей. Хозяева закабаленнаго навязывали, послѣднему непосильное число учениковъ, съ которыми непосильно заставляли работать; плату за обученіе и «приносы» обращали въ личную пользу; кормили плохо, иногда на заднемъ столѣ. Немудрено, что подобныя злополучники «сбѣгали» отъ дома и дѣла и, пока попадали на новое мѣсто, пробавлялись христораднымъ подаяніемъ, наравнѣ съ нищими.

Еще большей спекулятивности подвергались грамотеи изъ «бѣглыхъ» крѣпостныхъ или дезертировъ, по существу своего положенія, рабски-безмолвныхъ,

лишь бы удержать за собою пристанище. Однако, эти послѣдніе горемычники-учители, какъ и прочіе бѣглые, нерѣдко побѣждали хозяйскую алчность преданностью къ дѣлу и непонятнымъ теперь расположеніемъ къ чужимъ дѣтямъ: родители пріучались чтить тружениковъ, сходили съ почвы эксплуататоровъ; въ сердечномъ же отношеніи учителей къ дѣтямъ видѣли опасное послабленіе и просили о «подецебкѣ»²⁰⁾ послѣднихъ.

4. Къ той же категоріи переносныхъ школокъ слѣдуетъ отнести школки временно и случайно созидавшіяся мастеровыми, которые забирались въ деревню на ту или другую работу: сапожную, портняжную, шерстобитную и проч., при условіи грамотности мастеровъ. Прикончитъ мастеръ-учитель специальную работу въ одномъ домѣ и перейдетъ ради нея въ другой—сюда же перемѣщается и школка. Слѣдуетъ оговориться, что обученіе грамотности шло тутъ «между дѣломъ» и часто носило характеръ любезнаго одолженія и милости, и только неодолимое влеченіе къ учебѣ простолюдина заставляло послѣдняго принимать милость, мириться съ очевидными «учебными плѣщинами», выхватами.

Такъ-какъ мастеровыми въ большинствѣ случаевъ являлись городскіе и мѣстечковые выходцы довольно низкаго полета, то они не замедляли вносить въ скромную крестьянскую среду и, ближайшимъ образомъ, въ среду временныхъ учениковъ ту грязь, съ которою вышли изъ своихъ логовъ. Ученики знакомились съ пьянственнымъ проводомъ учителями воскресныхъ дней, понедѣльничаньемъ, пріучались раскуривать «цыгарку»²¹⁾, видѣли на самомъ дѣлѣ «кулачки»²²⁾, слышали розсказни о городскомъ обще-

20) Подецебка - сущ. — незначительное по числу ударовъ сѣченье розгами или вѣтвью. Значительно шире стоитъ „паренка“ — сѣченье тѣтъ и другою, при обязательномъ обнаженіи тѣла.

21) Безразличное названіе табаку, но не изъ трубки куримаго.

22) Кулачки — сущ. — кулачные бои, пова-что не исчезнувшіе въ городахъ и по текущее время.

ствѣ, циничныя пѣсни, перенимали говоры съ «хѣрами» и «шами»²³⁾, улавливали кое-что изъ такого жаргона, который присущъ подоночнымъ градожителямъ, напр. «хатель савликій, шихта мозинька» (отъ перевода отказываюсь) и проч. въ такомъ неприглядномъ свѣтѣ. Еще слава Богу, что подобныя школки не бывали распространенными, и отъ учителей-мастеровыхъ простолюдинъ инстинктивно сторонился.

5. Довольно симпатичною остается учеба, при которой учитель изображалъ нѣчто похожее на миссионерское передвиженіе по необъятнымъ сибирскимъ тундрамъ. Приснопамятнымъ труженикомъ такого учительства въ описываемой окраинѣ былъ нѣкто г. Сикорскій, учительской помощью котораго мнѣ суждено было воспользоваться нѣсколько разъ. Что именно приводило г. Сикорскаго къ походному учительству—остается не уясненнымъ мною и доселѣ. Надо предполагать, что этотъ сухощавый, высокорослый старикъ былъ непосѣдливъ, любилъ перемѣну мѣстъ и лицъ. Обыкновенно походный учитель появлялся въ учебномъ пунктѣ недѣли черезъ три-четыре, на день, два-три, и немедленно же группировалъ вокругъ себя учениковъ, какъ старыхъ, такъ и новичковъ: первые выслушивались, давали отчетъ въ исполненныхъ письменныхъ работахъ, а вторые—«заводили грамоту». Несомнѣнно, что подъ руководствомъ походнаго учителя грамотность шла туго, но все-таки ученики кое-чему выучивались. Дѣлу помогали старые ученики, которыхъ учитель обязывалъ учить въ его отсутствіе младшихъ и малоуспѣшныхъ. Изъ рассказовъ о другомъ подобномъ же учителѣ видно, что тотъ совершалъ походы въ сотрудничествѣ сына, или какого-то родственнаго юноши, который оставался въ школѣ на лишній денекъ, чтобы

23) Говоръ съ „хѣрами“ и „шами“, такъ развитой въ названной городской средѣ, а теперь и въ деревнѣ, кажется впервые оглашенъ въ печати В. И. Далемъ въ его знаменитомъ предисловіи къ „Толковому словарю“. Недавно онъ выданъ „за новостъ“ въ известномъ этнографическомъ сборникѣ. Интересующимся смѣю рекомендовать предисловіе Дала.

закрѣпить въ памяти учениковъ преподанное учителемъ; этотъ же послѣдній направлялся къ другимъ ученикамъ, въ новыя мѣста.

6. Не совсѣмъ справедливо будетъ упрекать крѣпостничество въ давкѣ учебнаго просвѣщенія крестьянъ. Что это такъ, лучшимъ доказательствомъ служила въ 1854—55 году «панская школка», устроенная при Веляшковичскомъ имѣнии извѣстнаго тогда помѣщика Н. Е. Кудзиновича, человѣкъ на 10 крестьянскихъ дѣтей. Судьба не обошла меня: не принадлежа къ составу учениковъ панской школки, я, однако, бывалъ въ ней, пользуясь учительскою помощью тамошняго учителя, г. Рерина, кажется уволеннаго гимназиста. Школка была недурно обставлена, по крайней мѣрѣ, въ ней впервые я увидѣлъ класную доску и достаточное число столовъ со скамьями; книги и учебныя пособія были въ достаткѣ; школка находилась подъ покровительствомъ вполне празднаго пана, который время-отъ-времени посѣщалъ ее. Казалось бы, что при такомъ условіи школкѣ слѣдовало переполниться учениками, удовлетворять крестьянскому спросу на грамотность. Ничуть не бывало: въ оффиціальномъ отношеніи школка ставила пана въ наизяблительнѣйшаго властелина крѣпостныхъ, на самомъ же дѣлѣ она преслѣдовала узкія цѣли подготавливала лакеевъ, будущихъ писарей, счетчиковъ, или такихъ подлѣтковъ, которымъ предстояло завершать образованіе въ городской мастерской. Уже самое комплектованіе школки было необычнымъ: по заказу набирались сюда «одномастные» (блондины) однолѣтки, отличавшіеся стройною наружностью и не имѣвшіе тѣлесныхъ недостатковъ. Это походило на тогдашнюю ловлю въ рекруты, и родители не менѣе горько оплакивали поступленіе въ эту школку своихъ дѣтей, будущая судьба которыхъ достаточно опредѣлялась. Непосредственно за «наборомъ» слѣдовала короткая стрижка, отмываніе деревенщины, облаченіе въ сюртуки и сапоги; въ прибранномъ видѣ ученики приступали къ учебѣ. L О сла-

вянской грамотѣ здѣсь не было и рѣчи: русской же, съ письмомъ включительно, отводился очень скромный уголокъ. Зато польская грамотность, какъ и рѣчь, царили въ школкѣ. Кромѣ собственно учебы, подневольнымъ ученикамъ преподавалась манерность, невольнымъ зрителемъ которой мнѣ приходилось бывать нѣсколько разъ. Тутъ ученики ознакомлялись съ разнообразными поклонами и «уклонами»²⁴⁾, отъ легкаго кивка головой до «падѣмъ до ногъ» включительно; приучались къ стойкѣ съ выраженіемъ рабства, счастливой веселости, приучались, между прочимъ, спокойно переносить всевозможную трепку, отъ таски за волосы, уши, до сѣченья «дисциплинкой»²⁵⁾ включительно, и тутъ же ловить для пощѣлуя карающую руку...

Какъ здѣсь шло обученіе, мнѣ не удалось узнать по незнанію тогда польскаго языка, свѣдущіе же люди утверждали, что оно двигалось вдвое быстрѣе, чѣмъ въ при-церковной тутъ же школкѣ Петра Семеновича. И, несмотря на всѣ очевидныя преимущества панской школки, крѣпостной сторонился отъ нея, какъ отъ рекрутчины, и охотно искалъ другихъ, непанскихъ школокъ. Тѣ же родители, надъ которыми прошелъ «школьный наборъ», могли имѣть одну развѣ надежду, что, по окончаніи наукъ, сынъ добьется вліятельнаго значенія или скопить грошишки да выкупится на волю...

Въ какой мѣрѣ и какъ именно оправдывались послѣднія родительскія надежды — достаточно извѣстно знатокамъ крѣпостничества. Памятные лично мнѣ ученики панской школки вышли на волю раньше, чѣмъ то предполагали ихъ родители, но вступили въ обно-

24) Подъ уклонами, они же — уцинки и уцечки, — извѣстна почтительная остановка, чтобы «дать дорогу», такое же устраненіе отъ толчка при тѣсной встрѣчѣ.

25) Дисциплинка, или сциплинка (кое-гдѣ сциблинка, отъ глаг. сцибаць — стегать) — уменьш. сущ. — короткая ременная плетка (ремень равенъ втутовницу); она въ одинъ, три и пять ремней. Привязанная въ козвей жождѣ, или подобію ея, называется «козничкой».

вленную жизнь съ непригодною грамотностью и еще менѣе пригодною манерностью.

67. Существовавшія при-костельныя школки (въ селѣ Кармелитахъ, бывшаго Суражскаго уѣзда) въ то время бывали еще болѣе ограждены отъ всяческаго вмѣшательства въ ихъ жизнь, чѣмъ школки при-монастырскія. Извѣстно было только, что фактическими учителями въ нихъ состояли органисты, специально призванные «профессоры»²⁶⁾ изъ подходящихъ мелкихъ шляхтичей, и что дѣятельность ихъ проходила по указанію и подъ неослабнымъ присмотромъ ксендзовъ, изъ коихъ викарный становился почти безотлучнымъ наблюдателемъ преподаванія. Полоническое обученіе и духъ, рѣзко отличавшіе при-костельныя школки отъ другихъ сельскихъ школокъ, не манили къ себѣ мѣстнаго православнаго простолюдина, и въ настоящемъ бытовоспоминаніи не слѣдовало бы упоминать о нихъ, если бы только одно незаурядное обстоятельство не било въ глаза, а именно: большая половина школокъ состояла изъ дѣвочекъ, которымъ отводилось почетное, мѣсто среди товарищей-мальчиковъ. Этого почти не бывало въ другихъ воспоминаемыхъ школкахъ, по крайней мѣрѣ, лично у меня не было ни одного школьнаго товарища-дѣвочки. Дальновидные служители католичества и полонизма понимали настоящую цѣну грамотныхъ матерей, къ образованію которыхъ и направляли свои воспитательскія силы...

8. Личными воспоминаніями о раскольничьихъ школкахъ мнѣ приходится сказать еще меньше, потому что, по излюбленному выраженію — «страха ради іудейска», — онѣ таились чуть не въ подземельяхъ, бывали недоступными для «никоніанцевъ», а между тѣмъ незримо, но осязательно для послѣднихъ, выросталъ раскольничій грамотей. Даже значительно позже (съ

26) Не въ шутку, а убѣжденно польскіе учителя назывались „профессорами“, даже элементарные. Это названіе учителя не перешло въ воспоминаемыя школки, гдѣ онъ назывался зауряднымъ именемъ, рѣдко — „вучнемъ“.

конца 1867 г.) среди большого скопа раскольниковъ въ чертѣ Ловожской волости, Полоцкаго уѣзда, мнѣ не суждено было не только видѣть, но и слышать точное повѣствованіе о жизнедѣятельности раскольничьихъ школокъ, не смотря на тѣсное знакомство съ нѣкоторыми раскольниками, изъ которыхъ семейный Денисей Минаевичъ Бѣловъ былъ моимъ келейнымъ ученикомъ по изученію русской грамоты и письма, а 15-лѣтній хромоногій юноша, Дементій Мартиновъ, готовившійся въ «церковники», — оффициальнымъ. Болѣе того: при дальнѣйшей жизни тутъ же, я свелъ знакомство съ завѣдомымъ учителемъ раскольничьихъ дѣтей, выслужившимся солдатомъ, который ютился при фольваркѣ Гарбузы-Сосно. И, не смотря на столько благоприятныхъ условій, повторяю, мнѣ не удалось увидѣть раскольничьей азбучки, ни узнать гдѣ, когда и какъ учились раскольничьи дѣти?

IV.

Дисциплинарное дѣло.

Не мало лѣтъ протекло отъ воспоминаемаго сельско-школьнаго обученія: на глазахъ и памяти живыхъ свидѣтелей создались, развивались, приняли оформленный стройный ростъ сельскія школы, и «что прежде было тайнымъ, теперь стало явнымъ»: ни учебные питомники, ни труженики въ нихъ не имѣютъ надобности таиться отъ людей, напротивъ, они «стоятъ на свѣщницѣ». По мѣрѣ роста сельско-учебнаго дѣла выросли опять же въ стройное цѣлое методическія, дидактическія и педагогическія указанія, и современныя дѣянія сельско-школьныхъ тружениковъ объединены до самомельчайшихъ почти подробностей. А между тѣмъ, практика доказываетъ, что многое въ учебно-воспитательной жизни школъ не можетъ освободиться отъ индивидуальности, душевнаго склада и кругозора заправителей, — съ чѣмъ иногда приходится воевать

учебной инспекціи. Но я попрошу мысленно перенестись въ даль и ширь воспоминаемаго времени, гдѣ учитель совершенно свободно, по личному разумѣнію, трудился на учебной нивѣ; тутъ русская пословица — «каждый молодець на свой образецъ», — какъ и присловье — «во что кто гораздъ», — оправдывались до рѣжущей наглядности. Не лишне припомнить, что монахъ, священникъ, діаконъ, дьячекъ, инвалидъ, мастеровой оставались таковыми же и тогда, когда къ оффиціальному званію прилагали и учительское, что каждый старался привить ученику то, что, по роду специальности, зналъ лучше. Такъ, діаконъ и дьячокъ въ то время развивали голосистость ученика и присущее имъ самимъ подобострастіе, инвалидъ — многообразныя «равненія», мастеровой — городскую разухабистость и проч. Кто и тѣснѣе призывался къ учительству, владѣя имъ, какъ средствомъ къ жизни, и тотъ не могъ обуздываться отъ личныхъ симпатій къ той и другой сторонѣ учебнаго дѣла, которыя и прививалъ ученику въ ущербъ остальному.

Однако, въ жизни сельско-школьнаго дѣла бывало много и общаго. Въ сказанномъ выше достаточно начертаны общія основы воспоминаемой учебы, и къ этому мнѣ остается сдѣлать незначительныя дополненія, касающіяся, по преимуществу, дисциплинарной стороны дѣла.

Нераздѣльно съ ученьемъ шло «вкорененіе страха» (кое-гдѣ прибавлялось слово — «Господня»), вещественными орудіями котораго бывали розги, плетки, линейки, учительскій костыль или клюка и мощная рука преподавателя. Еще далеко до поступленія въ учебу будущій ученикъ подготовлялся къ «страху» родительскими предупрежденіями и вмѣстѣ съ ними вѣрилъ, что «за одного битаго двухъ небитыхъ дають, да и то не берутъ». Насколько среда предрасположена была видѣть необходимость «вкорененія страха» путемъ употребленія перечисленныхъ орудій, явствовало изъ того, что я видѣлъ лично и

наивныхъ разказовъ моихъ товарищей по школкамъ. Такъ, мой товарищъ по школкѣ Петра Семеновича, Данила Ивановъ Чечка передавалъ, что за провинность при домашней учебѣ онъ подвергся сѣченью розгами, при чемъ отецъ и мать придерживали виновнаго за голову и ноги, а учитель собственноручно отсыпалъ «розгачи» ²⁷⁾... Подготовленность къ воспріятію «розгачей», какъ неизбѣжной учебной дани, проглядывала и въ томъ, что новичекъ, по первому приказу учителя, молчаливо обнажался и ложился подъ розги, точно старый, бывалый ученикъ. Отдавая въ учебу свое дитя, родители просили «всыпать, сколько нужно» и только оговаривали—не дѣлать иной «бойлы ²⁸⁾». Такимъ образомъ розочное «вкорененіе страха» бывало общимъ, повсюднымъ въ знакомыхъ мнѣ школкахъ, даже въ такой симпатичной школкѣ, какъ при-монастырская отца Андрея Авсеевича: несмотря на обоюдную любовь и крайне юный возрастъ (семь лѣтъ), пишущій эти строки не избѣжалъ собственноручнаго сѣченья незабвеннаго учителя; въ при-церковной же школкѣ отца Ропчевскаго вторичное сѣченье закончилось для меня нервною горячкою, послѣ которой родители не стали больше посылать меня туда, несмотря на хорошія отношенія съ учителемъ.

Въ видѣнныхъ мною школкахъ почти всегда нераздѣльно съ учебными пособіями лежалъ внушительный пучекъ розогъ, обязательно подновляемый однимъ изъ старшихъ учениковъ поочередно, или ремень, подъ рукою учителя. Въ школкѣ же Петра Семеновича такой пучекъ привѣшивался къ дверному косяку на все время учительскаго отсутствія, которое, въ разгаръ полевыхъ работъ, лѣтомъ, длилось половинами

27) Розгачи—сущ.—сѣченье исключительно розгами по обнаженному тѣлу. Близкое по времени сѣченье или дополнительное называлось «подсыпкой».

28) «Бойла» достаточно объяснена ниже. Здѣсь уместно сказать, что сущ. сред. р. на о пѣсьма часто черемтѣются въ сущ. жен. р. на а и склоняются по женск. роду.

дня. Учитель приказывалъ почаще посматривать на висѣвшій пучекъ, при чемъ твердилъ постоянно «вы одинаково должны слушаться или Савки, или поставленной мною палки»!.. При ничтожной сравнительно провинности учитель подносилъ пучекъ къ носу ученика и говорилъ: «а ну-ка, понюхай, чѣмъ это пахнетъ»?! по окончаніи же «подсыпки розгачей» заставлялъ цѣловать пучекъ или убрать разметавшіеся прутья его; въ видѣ искуса, виновный часто самолично снаряжалъ и приносилъ нужный для сѣченья его пучекъ розогъ... Кромѣ извѣстнаго мѣста, розочное сѣченье производилось по ладонямъ, за письменную, впрочемъ, неисправность. Чаше всего, однако, помянутая неисправность бичевалась линейкой, съ чего начинаются такъ называемыя тогдѣшнія «бойлы». Слова два о нихъ.

Битье линейкой по ладонямъ называлось — «давать пляски» ²⁹⁾ и «бить пали» ³⁰⁾. Кромѣ учителя, съ разрѣшенія послѣдняго, это же продѣлывали надъ порученными подтѣчками «старые ученики», признаться чуть ли не усерднѣе и жесточе учителя. Въ дальнѣйшей постепенности «бойлы» слѣдовали такъ: а) «шпулька» (шелчокъ) въ носъ, лобъ, голову; б) «показъ Москвы» ³¹⁾ (таска за носъ); в) «скибка» ³²⁾ (сильное проведеніе пальцемъ по головѣ «противъ шерсти» — волосъ); г) «разборъ пробора» (дранье за хохоль — онъ же — «хохлянка»); д) «встряска кудрей гривы, волосяного царства» (дранье вообще за волосы); е)

29) Въ школьномъ быту „плясками“ назывались линейчные удары по ладони, въ житейскомъ же — ударъ ладонью, линейкой и вообще плоскимъ предметомъ по мягкой части тѣла, при чемъ получается звукъ всплеска.

30) Бить пали — влоачивать свая.

31) „Показъ Москвы“ составляетъ игривое потягиваніе за носъ у дѣтей. Одиъ спрашиваетъ: „ци хочешь видѣть Москву?“ — Хочу! Взявъ за носъ отвѣчающаго, спрашиваетъ: „Ци видишь?“ — Отвѣтъ — „нѣтъ!“ не освобождаетъ носа, пока боль не заставитъ провиннаго „вижу, вижу!“ Здѣсь, конечно, не игра.

32) Скибка или скиба — сущ. — собственно хлѣбная порція, отрѣзанная во всю ширину хлѣба. Какъ появилось слово на школьной службѣ — объяснить трудно.

«ѣзда по завыйку»³³⁾ (кулачный ударъ по шеѣ); ж) «микитки» или «подъ духи» (тотъ же ударъ въ бока, грудь и «межа крылъ» — лопатокъ); з) колѣнное «дѣйство» (ударъ колѣномъ сзади); и) ножное «дѣйство» (толчекъ ногою куда ни попало); і) «оттолочка» (толчекъ рукою или ногою, за которымъ слѣдовало стремительное движеніе толкнутаго предмета)... Далѣе слѣдовали болѣе мягкія «бойлы» въ видѣ «плескачей» (ударовъ ладонью) по «мордасамъ»³⁴⁾, щекамъ, въ видѣ «заушницъ»³⁵⁾, или просто по спинѣ. Всѣми такими мѣрами «вкорененія страха», или «бойлами», располагалъ воспоминаемый учитель, и, кромѣ того, нераздѣльно со «старыми» подвергалъ виновныхъ болѣе или менѣе продолжительному колѣнопреклоненію, иногда даже на «жарсцвѣ» (разсыпчатый пережженный камень), на подсыпанномъ горохѣ³⁶⁾... Странно, тогдашнія «бойлы» никого не удивляли, и часто горькій плачь дѣтей передъ родителями оставался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»...

Осматриваясь теперь на отдаленное прожитое и соображаясь съ личностями и душевнымъ складомъ учителей, приходится сказать, что къ «розгачамъ» и «бойламъ» чаще другихъ прибѣгали или невѣжественнѣйшіе изъ мастеровъ учебнаго дѣла, или тѣ изъ нихъ, кто самъ былъ нещадно и много битъ, или же разоренные личною семейною безпутицей. За все это отвѣчалъ беззащитный ученикъ. Правда, старость учителей значительно укорачивала имъ руки: «бойла» принимала у нихъ скорѣе видъ принципиальности, чтобы ученики не забывали «страха» и того, что «корень ученія горекъ»; однако, и эти старички не разставались

33) «ѣзда по завыйку», иногда — «по загривку», называется еще «костылянемъ шею».

34) Мордасы — сущ. — губы, зубы и носъ.

35) Заушница — сущ. — пѣвѣстная лошадиная и, особенно, свиная болѣзнь. Въ данномъ случаѣ — ударъ по уху.

36) Одинъ изъ комическихкихъ знатоковъ школьной «бойлы», покойный Максиміліанъ Игнат. Довгяло увѣрялъ, что подобныя кары заимствованы изъ «патерскихъ» школовъ. Такъ ли это?

съ обычаемъ перепарывать всю школку, отъ перваго до послѣдняго, — какъ то припоминается изъ школки отца Стржидинскаго, для наказанія виновнаго среди невинныхъ и объединенія школки. Къ тому же «бойлы и розгачи» какъ то странно и неравномѣрно распредѣлялись: одинъ и тотъ же проступокъ для возрастныхъ давалъ облегченное взысканіе, а для младшихъ — болѣе тяжелое, въ одномъ случаѣ крупный проступокъ наказывался слабо, ничтожный — сурово и проч.

Къ «розгачамъ, бойламъ», колѣнопреклоненіямъ, стоянью съ приподнятой ногой, или рукой, въ которой держалась книга, доска, камень, т. е. къ чисто физическимъ страданьямъ кое-гдѣ присоединялись и моральныя. Къ послѣднимъ я отношу: стоянье съ высунутымъ языкомъ, стоянье и передвиженье на четверенькахъ, ползанье, лежанье на полу у порога и т. под. ³⁷⁾ При смѣхѣ учителя и товарищей виновный продѣлывалъ одну кару за другой, пока не искупалъ своего ничтожнаго грѣшка...

Но довольно будетъ говорить о тогдашнихъ школьныхъ карахъ: всеисцѣляющее время залѣчило раны отъ нихъ и оно же не замедлитъ изгладить и послѣднее памятованіе былого горя и школьныхъ мукъ. Да не посѣтуетъ на меня современный труженикъ школьно-учебнаго дѣла за наведенное мною уныніе и да признаетъ онъ, что «корень нашего ученья былъ очень-очень горекъ»!

V.

Учительскій гонораръ.

Въ различное время и различныхъ мѣстахъ мнѣ приходилось и приходится имѣть житейскія сношенія съ неменѣе различными лицами великой теперь учительской семьи и выслушивать правдивую повѣсть о

37) Припоминается, что однажды провинившійся одѣтъ былъ въ бумажный колпакъ (покрывша отъ сахарной головы), при чемъ онъ имѣлъ привѣшанныя бумажныя уши; другой холилъ въ вывороченной шубѣ, третьему одѣвались рукавцы при чтеніи. Многія изъ подобныхъ нравственныхъ каръ имѣли мѣсто при игровомъ расположеніи учителя.

ихъ скромной жизни и средствахъ при множествѣ трудовъ и сложности обязанностей. Въ этомъ случаѣ передо мною всегда воскресаетъ отдаленный учительскій коллега, труженикъ въ воспоминаемыхъ школахъ, съ его согбенной спиной, блѣднымъ отъ усталости лицомъ, тощимъ видомъ, нужно полагать, не отъ понесенныхъ только трудовъ, а и отъ матеріальныхъ ограниченій. Не для сравненія и не для параллели приведу я нѣсколько данныхъ о его матеріальномъ положеніи: то и другое могутъ посчитаться неумѣстнымъ, пожалуй, даже обиднымъ. Ради возможной полноты сказанія я хочу только вспомнить, какъ и «чѣмъ были живы эти люди?»

Прежде всего приходится сказать, что многіе изъ нихъ нѣсколько рисковали, принимаясь за учебу: они могли быть накрыты и, въ силу личной малоправности, подвергнуты мощному преслѣдованію. Бѣднякамъ приходилось юлить передъ крѣпостническими властями, склонять однихъ къ умолчанію, скрывать отъ другихъ или, по крайней мѣрѣ, не мелькать передъ ихъ глазами. Далѣе: сельскій подростокъ—пастухъ, справлявшій службу отъ весенней распутицы до такой же осенней, получалъ цѣлковый, или матерую овцу; годичная работница—отъ пяти до семи рублей, а годичный работникъ—рублей десять. Вотъ именно эта дешевизна труда, какъ извѣстно, черного, тяжелаго труда, отзывалась и на мизерной оплатѣ учительскаго: вѣдь послѣднему «не за сохою ходить»³⁸⁾, а сидѣть въ теплѣ, работать горломъ да изрѣдка руками. Учители со стороннимъ профессиональнымъ занятіемъ прибавляли учебой лишній рубль, или сельско-хозяйственный продуктъ; спеціальные же труженики учебы должны были проживать на нихъ все учебное время, а иногда прокармливать и свою семью.

Если учитель открывалъ учебу у себя на дому, то всякіе «дары», начиная отъ блиновъ до пучка лу-

38) Мѣстный ироническій отзывъ о „бѣломъ трудѣ“.

чины включительно, могли имѣть подспорное значеніе; если же онъ бывалъ ходячимъ, т. е. посрочно проживалъ то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, или пристраивался къ одному мѣсту на весь учебный срокъ, при чемъ предполагается и готовый прокормъ его, то значительное большинство «даровъ», или родительскихъ «припасовъ»³⁹⁾ утрачивало подспорное значеніе. Я попрошу представить, что долженъ сдѣлать учитель съ мискою «сцуденя»⁴⁰⁾, или съ мискою «смаженой іечни»⁴¹⁾, когда онъ находится на готовыхъ харчахъ и когда у него нѣтъ семьи, которой бы можно было передать «приносъ»? Остается одно: сдѣлать столовое подспорье дому, гдѣ временно живетъ. А между тѣмъ въ «приносѣ» выразилось искреннее родительское желаніе угодить, помочь учителю, да и самый «приносъ» по мѣстной оцѣнкѣ, стоитъ довольно высоко.

Взаимныя условія родителей съ учителями относительно гонорара бывали разнообразными: въ одномъ случаѣ учителя обуславливали исключительно денежную плату, въ другомъ — плату сельско-хозяйственными продуктами и одеждой, въ третьемъ — плату смѣшанную, въ счетъ которой, однако, не должны были входить «дары», обязательно приносимые учениками или родителями, при всякомъ свѣжемъ приходѣ дѣтей къ ученью⁴²⁾ Сколько помнится, годичная денежная

39) Между понятіями — дары и приносы — есть различіе: первые составляютъ добровольную жертву дателя, не ограниченную ни количествомъ, ни родомъ, вторые — предварительно оговоренные предметы. Въ житейскомъ, однако, употребленіи, въ обѣднхъ на церковь жертвахъ, оба понятія безразличны.

40) Сцудень — сущ. — всякое, такъ называемое, холодное.

41) Яичница — почетное, лакомое блюдо — бываетъ двухъ приготовленій: прижареная и смаженная, или тушеная. Первая готовится на сковородѣ, или предварительно неболтанная, или простымъ выпускомъ яицъ на нее, вторая — въ плошкѣ, или мискѣ, при чемъ яйца выбалтываются и разводятся молокомъ. Приготовленіе ставится въ легкую печь, гдѣ оно сгущается до вязельной и болѣе густоты.

42) Отсюда несомнѣнно, имѣлъ происхожденіе обычай — приносить учителю различные гостинцы, изгнанный въ современныхъ школахъ, но не терявшій силы въ 60-хъ годахъ.

плата колебалась между однимъ и пятью рублями; тому же отвѣчала и плата продуктами и одеждой: первотруженикъ по добыванію продуктовъ довольно тонко зналъ ихъ переводъ на деньги и не баловалъ учителя своими въ этомъ дѣлѣ ошибками. Въ подходящемъ отношеніи стояла и плата смѣшанная.

Учительскіе «дары» состояли изъ предметовъ ручного производства—нитки, кусокъ холста, полотенце, поясъ или изъ сѣдобно лакомыхъ предметовъ—брюква, морковь, рѣпа, яблоки, груши, сливы, орѣхи и проч. Въ болѣе щедрыхъ случаяхъ и, при недостаткѣ нанимателей, «дарами» бывали: фунтикъ меду или масла, сыръ, пятокъ-десятокъ яицъ, бутылка свѣжаго или кринка кислаго молока, кусокъ сала, мяса, домашній пирогъ и, наконецъ, вязка баранковъ, покупной калачъ и пряникъ. Перечисленными «дарами» не исчерпывается, однако, все разнообразіе ихъ; такъ, кое-когда учитель получалъ пятакъ-гривенникъ, лавочный платокъ, живого зайченка, тетерева и т. под.

Въ приведенной группировкѣ «дары» поражаютъ обиліемъ и разнообразіемъ и, на основаніи этого, могутъ вызвать предположенія о безбѣдности, даже прихотливомъ состояніи учителя—вѣдь пряники да медъ бѣсть. Я, однако, опять же попрошу припомнить: многи ли учениковъ имѣлъ воспоминаемый учитель? Не прошли ли преподносимые «дары» чрезъ мѣрку и точный вѣсъ дателей, прежде чѣмъ они сдѣлались учительскимъ достояніемъ? Да, несомнѣнно.

Заключая мои скромныя воспоминанія на матеріальномъ довольствѣ тогдашняго учителя, я останавливаюсь на одной высоко-симпатичной сторонѣ такого довольства: тогдашній учитель не сѣтовалъ на свою приниженность, не смотрѣлъ завидливо въ сторону лучшихъ положеній, а еще благодарилъ Бога и

судьбу, когда, по окончании учебного срока, оставляя мѣсто учебы въ новой рубашкѣ, съ рублемъ-другимъ въ карманѣ, съ харчами въ дорожной сумѣ, да доброю памятью о себѣ ⁴³).

Бывшій ученикъ.

8 іюля 1893 года.

С. Войхань.

48) Именно послѣднему долженъ позавидовать современный коллега воспоминаемаго учителя. Одна память о немъ не проходить у питомцевъ безъ того и другого прибавленія—„дорогой, незабвенный, любезный“ и проч. Между тѣмъ, въ текущемъ проявленіи, приходится свидѣтельствовать, что всяческое почтеніе и память объ учителѣ обрываются вмѣстѣ съ официальнымъ обязательствомъ „ломать шапку“.

B0000000490754